

УДК 332.1

**Would the Clusters Become an Instrument
for Obtaining Effects From Activity
of Large-Scale Subsoil Users
(for Example, Resource Companies
of the Arctic Zone of the Krasnoyarsk Territory)**

Irina S. Ferova and Ekaterina N. Tanenkova*

Siberian Federal University

79 Svobodny, Krasnoyarsk, 660041, Russia

Received 15.12.2014, received in revised form 15.01.2015, accepted 16.02.2015

The subject of consideration is the problem of obtaining social- economic effects on the territory of the application of major investment projects related to subsoil usage. Nowadays, several of such projects in industrial and mining sphere are implemented at the Arctic zone of Russian Federation and the Krasnoyarsk Territory. Unfortunately, issues of realization of these projects and development of a territory are solved independently. Moreover, the problems connected with regional social- economic effect do not covered at all. Thus, cluster model of development would become one of the instruments for obtaining these effects. Cluster in this case may connect the main production with providing and related industries, as well as staff-training activities and activities for the infrastructure development. Methods of establishing of clusters may be different from reduction of tariffs and tax-free "holidays" for cluster members to license agreements which regulate the usage of products and technologies. One type of cluster model may be the territory of advanced development.

Keywords: Clusters, The Arctic zone, subsoil users.

Research area: economics.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: iferova@yandex.ru

Станут ли кластеры инструментом локализации эффектов от деятельности крупных недропользователей (на примере ресурсодобывающих компаний Арктической зоны Красноярского края)

И.С. Ферова, Е.Н. Таненкова
Сибирский федеральный университет
Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный 79

Предметом рассмотрения является проблема локализации социально-экономических эффектов на территории реализации крупных инвестиционных проектов, связанных с недропользованием. В настоящее время в Арктической зоне Российской Федерации и Красноярского края реализуется ряд таких промышленно-добычных проектов. К сожалению, реализация этих проектов и развитие территории происходят автономно, и вопросы о региональном социально-экономическом эффекте не решаются. В качестве метода локализации данных эффектов предлагается кластерная модель развития. Кластер в данном случае позволит связать основное производство с обеспечивающими и смежными отраслями, а также с видами деятельности, осуществляющими подготовку кадров и деятельность по развитию инфраструктуры. Методика стимулирования создания кластеров может быть различной: от налоговых каникул для участников кластера и сниженных тарифов до лицензионных соглашений, регламентирующих использование продукции и технологий. Одним из видов кластерной модели может стать территория опережающего развития (ТОР). Результатом деятельности в этом случае будет социально-экономический эффект и устойчивое развитие территории, на базе которой реализуются крупные инвестиционные проекты.

Ключевые слова: кластеры, Арктическая зона, недропользователи.

Научная специальность: 08.00.00 – экономические науки.

Введение в проблему

Предметом исследования многих российских экономистов служит в настоящее время эффективность функционирования ресурсного сектора, поскольку он всегда был наиболее привлекательным сектором экономики для отечественных и зарубежных инвесторов. На территории Арктической зоны Красноярского края реализуются масштабные ресурсодобывающие инвестиционные проекты. И хотя данные проекты высокоэффективны и рентабельны, вопрос о региональных социально-экономических эффектах от их осуществления остается открытым. Цель данной работы – найти

инструмент, позволяющий локализовать социально-экономические эффекты на территории присутствия.

Рассмотрим эту тематику несколько подробнее. Сегодня процессы формирования специализированной инфраструктуры и освоения ресурсов УВС в Восточной Сибири происходят в рамках реализации точечных инвестиционных проектов с преимущественной ориентацией на привлечение внешних материально-технических и трудовых ресурсов. В результате в текущих институциональных условиях развитие нефтегазового сектора (НГС) на Востоке страны происходит в значительной степени автономно от про-

цессов социально-экономического развития регионов.

Методология и методика исследования

Расчеты, проведенные с использованием методики оптимизационной модели ИЭОПП СО РАН по нефтегазовому сектору (НГС), показали, что при сохранении сложившейся практики реализации Восточно-Сибирских добычных проектов рост объемов производства не ведет к усилению отдачи от ресурсного сектора с точки зрения получаемых регионом социально-экономических эффектов. Региональные последствия, связанные с освоением нефтегазовых ресурсов и переработкой углеводородного сырья, будут иметь в основном косвенный характер, отражающий мультипликативное воздействие НГС на социально-экономическую систему края.

В связи с этим решение данной проблемы видится только одним путем – через стимулирование спроса на продукцию обеспечивающих и сопутствующих отраслей и за счет этого получение реального социально-экономического эффекта. Это может быть продукция машиностроения, строительных организаций, работы и услуги образовательного характера. Необходимо стимулировать развитие смежных отраслей, создавать рабочие места, тогда регион получит не только эффект от налоговых поступлений недропользователя, а и социальный эффект от реализации на его территории крупных ресурсодобывающих проектов.

Таким образом, для решения проблемы нами предлагается кластерная методология. В данном случае речь идет об организации межотраслевых производственных цепочек, которые получили название кластеров (Портер, 2003).

Кластерная модель развития, на наш взгляд, позволит добиться роста добав-

ленной стоимости, получить социально-экономические эффекты от реализации крупных инвестиционных проектов и повысить темпы экономического роста.

Но в данном случае возникает проблема конкурентоспособности продукции обеспечивающих отраслей. Если взять, например, ЗАО «Ванкорнефть», то эта компания осуществляет ежегодные закупки материально-технических ресурсов на 120-140 млрд руб., при этом закупки у краевых организаций составляют около 15 млрд руб. Наша продукция, к сожалению, не конкурентоспособна. Объем закупаемой импортной техники для буровых работ более 50 %. Остаются строительные работы, работы по созданию инфраструктуры и подготовка кадров. В машиностроении нужно искать те варианты, которые могли бы удовлетворить технологические нужды недропользователя, и по возможности включать их в лицензионные соглашения, фактически заставляя недропользователя ориентироваться на внутренний рынок. Все это также можно осуществить в рамках кластерной модели развития территории.

Для эффективной работы подобной кластерной модели необходима активная государственная политика, которая бы стимулировала создание и функционирование кластеров (Цихан, 2003).

Одним из вариантов реализации кластерной методологии является создание территории опережающего развития (ТОР).

Основная задача создания ТОР – организовать благоприятные условия и повысить инвестиционную привлекательность территории.

Опыт применения кластерной методологии за рубежом

В настоящее время есть положительный опыт создания ТОР за рубежом, в частности в

Австралии и Чили, в связи с чем следует рассмотреть их особенности и методы функционирования (Скоц, 2010).

Чили – крупнейший мировой экспортер меди (более трети мирового производства), а также побочного продукта переработки меди и ценной присадки к стали – молибдена (28 % мирового производства). В структуре экспорта медная руда, рафинированная медь и продукты первичной переработки меди занимают более 50 %. Как Россия зависит от экспорта углеводородов, Чили зависит от экспорта и цены меди. Кластер добывающей промышленности в Чили – один из лучших мировых примеров госстимулирования развития регионов. В добывающих регионах, прежде всего в медном регионе Антофагаста, практикуются гранты на ТЭО проекта, освобождение от налога на прибыль, НДС и импортные пошлины, возмещение налога на прибыль в размере от 20 до 40 % инвестиций в недвижимые активы, возмещение 17 % зарплаты. По данным Агентства по экономическому развитию Чили, в результате роста инвестиций производство меди с 1990 по 2010 г. увеличилось на 50 % (Ленчук, Влашкин, 2010).

Результаты исследования и область применения

В качестве возможного, пока только расчетного результата исследования можно предложить вариант создания ТОР на территории Красноярского края, и именно на Таймыре, с ядром в виде Норильского промышленного кластера. Основа минерально-сырьевой базы полуострова Таймыр – комплексные платино-медно-никелевые руды. Здесь сосредоточено более половины всех запасов никеля, меди, кобальта и металлов платиновой группы России. Весь Таймыр – это почти 900 тыс. кв. км, то есть в два с половиной раза больше, чем

территория такой “небольшой” европейской страны, как Германия. Это перспективный регион, 75 % территории которого еще не изучено, и статус ТОР мог бы дать новый стимул в раскрытии его потенциала.

Текущие темпы освоения Таймыра позволяют разрабатывать доказанные запасы в течение нескольких веков. Инфраструктура Таймыра, несмотря на ее изолированность, может стать базой для развития региона.

Инициатором создания ТОР на Таймыре является компания ОАО ГМК «Норникель». В октябре 2013 г. «Норникель» объявил о своих планах по сохранению к 2018 г. выпуска никеля на текущем уровне, при этом производство меди, платины и палладия планируется увеличить на 10-20 % по сравнению с планами на 2013 год.

В 2013 г. «Норникель» произвел 285 тыс. т никеля, 371 тыс. т меди, около 83 т палладия и 20 т платины.

«Норникель» планирует капитальные вложения в течение ближайших трех лет на уровне около 6 млрд дол. (около 2 млрд дол. в год), в течение ближайших пяти лет – около 10 млрд дол. При этом две трети всех вложений пойдут на развитие уже существующих проектов. Конкурентоспособность продукции этой компании не вызывает сомнения.

ТОР планируется создать на базе добычного и промышленного норильского кластера. Предлагается присвоить региону статус территории опережающего развития, учитывая уникальные запасы металлов на сотни лет добычи, а также низкую изученность.

Нами были оценены затраты и возможный эффект для территории от создания ТОР. Инвестиции потенциально заинтересованных инвесторов в освоение территории оцениваются в размере 5 млрд дол., а рассчитанный экономический эффект для ВВП составляет 300 млрд дол.

Таким образом, результат создания ТОР и реализация выбранных инвестиционных программ позволит получить 292 млрд дол. ВВП до 2030 г. При этом рост налоговых платежей дает возможность увеличить доходы регионального бюджета на 33 %, или около 1,4 млрд дол. в год.

Эффект от стимулирования Таймыра проявится уже в течение пяти-десяти лет. При этом среди наиболее важных мер стимулирования следует назвать возможность применения ускоренной амортизации и повышающего коэффициента к расходам на капитальные вложения, «каникулы» на срок от десяти лет по налогу на имущество для объектов, введенных в состав основных средств после 2015 г., освобождение от ряда социальных выплат сотрудников, имеющих постоянные рабочие места в ТОР.

Также для быстрой реализации кластерной методологии предлагаем принять Федеральный закон «О территориях опережающего развития», закрепляющий концепцию территорий опережающего развития (ТОР), критерии отнесения территорий к ТОР, а также критерии включения новых производств, расположенных в ТОР и осуществляющих инвестиции в развитие промышленного сектора, в специальный перечень.

Основные стимулирующие элементы – это снижение налоговой нагрузки, которые состоят в следующем:

- НДС – 7,6 % (первые 10 лет)

- 5-летние налоговые льготы по налогу на имущество и на землю, федеральная часть налога на прибыль будет обнулена, а региональная не более 5 % (первые пять лет) и не более 10 % (следующие 5 лет).

Важно, что строить с нуля на полуострове Таймыр ничего не нужно: базовая инфраструктура у ГК там уже есть. Льготы просто позволили бы компании еще более

эффективно осваивать регион, разрабатывать его ресурсы и пополнять федеральный и местные бюджеты. В частности, в компании считают, что рентабельную добычу с учетом потенциальных льгот можно обеспечить в радиусе 200–300 км от города Норильска. Поэтому вместо того, чтобы идти в диверсификацию географии с высокими рисками, непонятными проектами, нужно обеспечить полную реализацию потенциала Таймыра. И это еще не все: с учетом помощи государства успехи в геологоразведке могли быть еще более значимыми. Дело в том, что экономически логичного механизма стимулирования привлечения инвестиций на ранней стадии до сих пор не существует, и это означает, что используется то, что было найдено еще в советское время.

Выводы

Таймыр, особенно в ситуации обострения политической обстановки, имеет важное геополитическое значение. В регионе нужно создать деловой климат и инфраструктуру, которые позволят успешно конкурировать за инвестиции и трудовые ресурсы в глобальном масштабе, иными словами, конкурировать с нашими ближайшими соседями на Дальнем Востоке. Ускоренное освоение Таймыра будет способствовать решению целого ряда стратегических задач РФ, включая укрепление позиций России в Арктике и создание одного из крупнейших в мире новых кластеров производственно-добычного типа, выход на полномасштабное освоение Арктического шельфа, полноценное открытие коммерческой навигации по Северному морскому пути. Кроме того, реализация кластерного подход будет способствовать региональной локализации социально-экономических эффектов от деятельности крупных недропользователей.

Список литературы

1. Ленчук Е.Б., Власкин Г.А. (2010). Кластерный подход в стратегии инновационного развития зарубежных стран // Проблемы прогнозирования, (5), 34-37.
2. Портер М. Конкуренция. М.: Изд. дом «Вильямс», 2003. 608 с.
3. Скоч А. Международный опыт формирования кластеров. М.: изд-во ВШЭ, 2010. 43 с. доступ: <http://www.intelros.ru> (23.11.2014).
4. Цихан Т.В. (2003). Кластерная теория экономического развития // *Теория и практика управления*, (5), 74–81.
5. Шильченко Т.Н. (2009). Кластерный элемент при формировании экономики регионов России // *Вестник Таганрогского института управления и экономики*, (1), 20-25.